

В этот день Си Цзяюню приснился сон.

Его поглотило неистовое, ревущее пламя.

Огонь жадно пожирал листву и ветви. Обжигающий жар заставлял пятиться, но спасения не было. Повсюду, куда ни глянь, расстиралось огненное море. Языки пламени метались из стороны в сторону, отсекая любые пути к отступлению. Жара становилась невыносимой, удушливое кольцо сжималось. Си Цзяюнь чувствовал, как липкий страх смешивается с глухой, бесконечной усталостью. И вдруг — шальная искра коснулась его, мгновенно разжигая новый пожар.

Оглянувшись, он увидел собственное оперение. Некогда ослепительно прекрасные, сияющие перья теперь тонули в огне, который стремительно взбирался всё выше, пожирая их без остатка. Оперение тлело, дюйм за дюймом превращаясь в пепел. Было невыносимо жарко, боль проникала в самые кости.

Он инстинктивно рванулся прочь, но сквозь удушливые волны жара наткнулся на чужие взгляды. На него смотрели сотни глаз — с неистовой надеждой, с глубоким, искренним благоговением. Их обладателями были величественные создания с гордыми птичьими головами, изящными змеиными шеями и роскошными хвостами. То были фениксы.

Си Цзяюнь вспомнил: он ведь тоже феникс. Единственный чистокровный феникс, уцелевший в этом мире. Он был рожден лишь ради одного — приносить благоденствие. А значит, бежать нельзя. Каким бы невыносимым ни был этот жар, какой бы лютой ни казалась боль, он не имел права отступить.

Пламя ревело всё неистовее. Огонь охватил его с самого хвоста; Си Цзяюнь сквозь мучительную агонию чувствовал, как растворяется его плоть, как он сам обращается в прах посреди этого огненного ада. А потом налетел порыв ветра — и развеял пепел без остатка.

Но смерть не принесла избавления. Сквозь вечные муки ему суждено было вновь переродиться, восстать из пепла — лишь для того, чтобы в положенный срок сгореть опять. Бесконечный, замкнутый круг терзаний.

Боль была невыносимой. Си Цзяюнь ненавидел этот удел, всем существом противился ему, но отступить не мог. Ведь он — единственный чистокровный феникс в подлунном мире. Его долг — даровать благословение своему роду. В этом заключалось его бремя, в этом был весь смысл его существования.

Место для прослушивания выбрала сама Фу Цзя — прямо у себя дома. Поскольку это был элитный коттеджный поселок с серьезной охраной, Си Цзяюнь не мог просто так пройти через ворота. Он попытался дозвониться до хозяйки, но та почему-то не брала трубку.

Си Цзяюнь оставил ей голосовое сообщение и принялся бесцельно листать ленту в телефоне прямо у въезда. Вдруг откуда-то сбоку раздался удивленный голос:

— Си Цзяюнь?

Си Цзяюнь обернулся.

Бай Цинчи снисходительно улыбнулся:

— Надо же, и правда ты.

Си Цзяюнь на мгновение замешкался, а затем вежливо, хоть и без особой уверенности, кивнул:

— Давно не виделись.

Они действительно не встречались уже несколько лет.

Когда Си Цзяюнь только делал первые шаги в шоу-бизнесе, агентство отправило его на музыкальное шоу «Risk Me». Бай Цинчи оказался в числе конкурсантов. Судьба распорядилась так, что Си Цзяюнь — выступал ли он блестяще или совершал ошибки — неизменно обходил соперника ровно на один балл. Так продолжалось вплоть до финального выступления, когда из-за внезапно отказавшего микрофона Си Цзяюнь выбыл из гонки, уступив дорогу Бай Цинчи.

Для последнего этот случай стал трамплином к успеху: он дебютировал в составе айдол-группы и мгновенно превратился в звезду первой величины. Си Цзяюнь, впрочем, никогда не понимал причин столь острой, почти маниакальной неприязни со стороны коллеги, которая не угасла даже после его триумфа. Сам Си Цзяюнь относился к потере дебютного места философски — к неудачам он давно привык. Пути их больше не пересекались, и ворошить прошлое не имело смысла.

И вот теперь, спустя годы, они встретились вновь.

Бай Цинчи окинул собеседника оценивающим взглядом и небрежно протянул:

— Сколько лет прошло. Я уж грешным делом подумал, что ты вообще ушел из индустрии.

Си Цзяюнь промолчал. Надо же, годы идут, а повадки не меняются — всё та же приторная язвительность.

— Пока держусь, — вежливо отозвался он.

— Правда? — с наигранным изумлением вскинул брови Бай Цинчи. — Странно. Тебя совсем не видно в соцсетях, да и на телевидении тоже... Неужели совсем нет предложений?

Он вздохнул, напустив на себя сочувственный вид:

— Понимаю, каково это. Недорогой ценой дается популярность. Недавно у меня выдался перерыв в графике, так я места себе не находил. Стоило ненадолго остаться без съемок, как сразу накатила жуткая тревога, даже спать нормально не мог. В конце концов решил, что трудоголизм у меня в крови. Тут же велел менеджеру забить расписание новыми шоу и съемками. А у тебя, должно быть, совсем глухо...

— Всё не так плохо, — мягко парировал Си Цзяюнь. — Сплю я отлично.

Бай Цинчи подавился невысказанными словами.

Да он издевается! При чём тут сон?!

Си Цзяюнь в очередной раз убедился, что его бывлой соперник ни капли не изменился. Впрочем, то же самое думал и Бай Цинчи. Его раздражало, что Си Цзяюнь держался всё так же отстраненно и независимо, будто смотрел на него свысока.

Но с какой стати ему важничать?

Во времена «Pick Me» Си Цзяюнь во всем обходил его, едва не доведя до нервного срыва своей безупречностью. Но ведь в итоге именно он, Бай Цинчи, вытянул счастливый билет и взлетел на вершину олимпа, пока Си Цзяюнь прозябал в неизвестности! Как этот неудачник смеет вести себя так беспечно? С чего вдруг?!

Внутри у Бай Цинчи всё кипело от злости, но он заставил себя натянуть дежурную улыбку и зашел с козырей:

— Искренне завидую твоей стойкости. Кстати, ты ведь слышал о режиссере Гэ Хэ? Он собирается снимать новый фильм. Вчера вечером его ассистенты пригласили меня на повторные пробы. Из-за этого всю ночь глаз сомкнуть не мог от волнения — это ведь сам мастер Гэ! Кто бы отказался от шанса поработать с ним?

Си Цзяюнь удивленно приподнял брови.

Надо же, какое совпадение. Он ведь приехал сюда ровно за тем же.

Он посмотрел на Бай Цинчи с легким сомнением, гадая, стоит ли просветить бедолагу.

Однако Бай Цинчи истолковал это минутное замешательство по-своему: решил, что бывший соперник сгорает от зависти, но стесняется признаться. На душе у него сразу потеплело от сладкого чувства триумфа. Он уже набрал в грудь воздуха, чтобы разразиться снисходительными напутствиями, как вдруг у ворот притормозил роскошный автомобиль.

Тонированное стекло плавно опустилось, и из салона выглянула Фу Цзя.

Бай Цинчи мгновенно расплылся в широкой улыбке:

— Госпожа Фу! Здравствуйте!

Влияние семьи Фу Цзя в шоу-бизнесе не было секретом для тех, кто умел собирать информацию. Менеджер не раз настойчиво советовал Бай Цинчи держаться к ней поближе и ни в коем случае не переходить дорогу. Впрочем, тот и сам прекрасно понимал, какие перспективы сулит дружба с такой влиятельной фигурой.

Фу Цзя вежливо кивнула, сохраняя профессиональную холодность, но стоило ей перевести взгляд на Си Цзяюня, как на ее лице проступила искренняя, теплая улыбка:

— Ты чего так рано? Не смог до меня дозвониться?

— Набирал один раз, — ответил Си Цзяюнь. — Но ты, видимо, была занята.

Фу Цзя взглянула на экран телефона и действительно обнаружила пропущенный. Она виновато улыбнулась:

— Ох, прости, заезжала в супермаркет за покупками. Наверное, из-за шума не услышала.

Бай Цинчи стоял как громом пораженный.

Он переводил взгляд с Си Цзяюня на Фу Цзя, отчетливо понимая: если с ним женщина общалась исключительно из вежливости, то к его скромному коллеге относилась с неподдельной теплотой.

В этот момент Фу Цзя словно вспомнила о чём-то важном и добавила:

— Кстати говоря, сегодня на пробы приглашены только вы двое. Вы ведь уже знакомы?

— Да, — кивнул Си Цзяюнь. — Знакомы.

Бай Цинчи онемел.

«Какого черта?!» — пронеслось у него в голове.

Получается, этот нищеврод тоже пришел на пробы? Тогда зачем он молча слушал его хвастовство? Наслаждался моментом, издевался?!

В мысленном списке врагов Бай Цинчи напротив имени Си Цзяюня появился жирный крестик. Впрочем, гнев быстро сменился холодным расчетом. Си Цзяюнь прозябал на обочине индустрии без единой приличной роли за душой. И пусть сам Бай Цинчи не мог тягаться с ветеранами кино, обойти этого дилетанта для него не составит никакого труда. Тем более, когда режиссер Гэ лично приглашал его на пробы, он прямым текстом намекнул, что фаворит гонки уже определен.

Успокоившись, Бай Цинчи вежливо пояснил Фу Цзя:

— Мы вместе начинали на шоу «Pick Me».

— Вот как, — понимающе улыбнулась женщина. — Ладно, запрыгивайте в машину, подброшу вас до крыльца.

Оба молодых человека послушно забрались в салон.

Дорога до виллы заняла всего пару минут.

Режиссер Гэ Хэ прибыл заранее и теперь коротал время в гостиной за чашкой зеленого чая. Едва со стороны прихожей донесся шум, он отставил фарфор в сторону. Ему чертовски хотелось взглянуть на этого Си Цзяюня, который умудрился так заинтриговать Фу Цзя.

Гости вошли в просторный холл. Бай Цинчи, жаждущий произвести впечатление с порога, намеренно пропустил соперника вперед, чтобы остаться закрывать дверь — жест, призванный подчеркнуть его безупречные манеры. Си Цзяюню было глубоко плевать на эти уловки, поэтому он спокойно переступил порог первым.

Фу Цзя легким жестом указала на вошедшего юношу:

— Режиссер Гэ, это Си Цзяюнь.

Гэ Хэ поднял взгляд.

Юноша посмотрел ему прямо в глаза и вежливо, открыто улыбнулся.

«Легкость» — вот первое чувство, которое он вызывал. Си Цзяюнь располагал к себе с первого же взгляда. Но помимо этого редкого обаяния, юноша был невероятно, поразительно красив.

То не была изнеженная, андрогинная утонченность, столь популярная в современном шоу-бизнесе. Его лицо светилось первозданной чистотой и редкой одухотворенностью, в нем не было ни капли агрессии — лишь завораживающая глубина. А когда он улыбался, его глаза превращались в теплые полумесяцы, придавая всему облику еще больше мягкости.

Режиссер Гэ невольно застыл, разглядывая гостя.

Что же касается Бай Цинчи, то его маленький спектакль с закрыванием дверей провалился с треском. Подняв голову в ожидании одобрительных улыбок, он с уколom ревности понял, что его демонстративное благородство осталось незамеченным. И Фу Цзя, и режиссер Гэ неотрывно смотрели на Си Цзяюня. Более того, во взгляде опытного режиссера читалось самое настоящее изумление.

Почуввав неладное, Бай Цинчи поспешил подать голос, вежливо улыбнувшись:

— Режиссер Гэ, добрый день.

Его приветствие вывело мастера из оцепенения. Тот перевел взгляд на Бай Цинчи, испытывая в душе сложное, противоречивое чувство.

О чем он рассуждал вчера вечером? «В шоу-бизнесе все смазливые».

Оно, конечно, так. Но смазливость смазливости рознь, а подобной красоты он не видел уже очень давно.

Взять хотя бы этого Бай Цинчи. Признанный кумир миллионов, канонический красавец. Однако рядом с Си Цзяюнем он мгновенно поблек, растеряв весь свой лоск. Его черты лица, казавшиеся прежде безупречными, теперь отдавали приторной, глянцевоy фальшью.

Внешне Си Цзяюнь подходил на роль Фэн Чао идеально. Вопрос лишь в том, справится ли он со сложнейшей актерской задачей.

Отрешившись от мыслей, режиссер сухо кивнул Бай Цинчи в знак приветствия.

Тот внутренне сжался. Неужели ему показалось, или во взгляде мэтра действительно промелькнуло разочарование?

Фу Цзя опустилась на мягкий кожаный диван и посмотрела на режиссера:

— Ну что, начнем сразу или дадим ребятам время подготовиться?

Гэ Хэ предпочитал не тянуть кота за хвост:

— Начнем прямо сейчас.

— Отлично, — согласилась она.

Режиссер перевел взгляд на молодых людей:

— Ну что, кто из вас будет первым?

Бай Цинчи промолчал. Он справедливо полагал, что первому всегда тяжелее: у идущего следом есть драгоценные минуты, чтобы настроиться. Однако заявить об этом вслух он не решался, боясь показаться трусливым или расчетливым. Пока он взвешивал все «за» и «против», Си Цзяюнь, видя его заминку, спокойно вызвался сам:

— Пожалуй, я начну.

Бай Цинчи скользнул по нему холодным взглядом и мысленно усмехнулся.

«Ну давай, покажи класс. Прыгни выше головы, если сможешь».

Хотя изначально он дебютировал как айдол, в последние годы его карьера уверенно двигалась в сторону кинематографа. Компания не жалела денег на лучших преподавателей актерского мастерства, да и за плечами у самого Бай Цинчи уже было несколько заметных ролей. Он отчетливо чувствовал собственный творческий рост. Пусть до выпускников театральных академий он пока не дотягивал, но уж заткнуть за пояс этого дилетанта Си Цзяюня сможет без труда.

Пока он предавался злорадным размышлениям, режиссер озвучил задачу:

— Тема для прослушивания — «Возрождение в огне».

Си Цзяюнь вздрогнул.

Фу Цзя, когда приглашала его на пробы, не раскрыла карт и не назвала персонажа. Но Си Цзяюнь уже дважды перечитал роман «Павлиний сон в высоком тереме» от корки до корки. Стоило режиссеру Гэ озвучить тему, как пазл в его голове мгновенно сложился.

Фэн Чао. Роль, которую ему предлагали, принадлежала великому владыке фениксов.

Чтобы спасти Белый яшмовый город и уберечь своих подданных от гибели, Фэн Чао добровольно принял на себя смертоносное проклятие. И платой за это спасение стал жестокий удел: каждые пятьдесят лет правитель был обречен проходить через мучительное пламя перерождения.

Но это возрождение не несло в себе надежды на новую жизнь. Оно лишь знаменовало начало нового цикла боли.

Си Цзяюнь невольно вспомнил свой утренний сон.

Он глубоко вдохнул, настраиваясь на нужный лад, укротил бушующие внутри эмоции и медленно открыл глаза.

<http://bllate.org/book/18988/1905899>